

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИРОВАНИЯ СИМВОЛА

*Еременко-Клаузер Александр Владимирович,
Кемеровский государственный
университет культуры и искусств, г. Кемерово*

E-mail: klaus.breninko@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме дефинирования символа. Опираясь на концептуальные тезисы Э. Кассирера и П. Рикёра, автор осуществляет попытку определить символ, как фундаментальную единицу познания.

Ключевые слова: символ, сигнификативная структура.

Определенные сложности, возникающие на пути, утверждения окончательного понимания символа, как четкой философской дефиниций, обусловлены недостаточно глубоким пониманием этого термина. И хотя уже не первое столетие, как был предложен ряд расширительных трактовок понятия «символ», вырывающих его из культурологических пут и позволяющих работать с ним непосредственно в философском дискурсе, в повседневном сознании термин по-прежнему связывается с ограничивающими, базовыми, трактовками, наподобие следующей: «Символ – предмет или действие, служащее условным знаком чего-нибудь, выражающее, означающее какое-нибудь понятие, идею» [1].

В академической среде, без сомнения, «символ» понимается глубоко, «символ» трактуется расширительно, термин – вполне устоявшийся. Однако, сложности о которых мы говорим, возникают вследствие частого употребления данного понятия в самых различных областях, самых разных дискурсах, отчего не редко приходится давать достаточно пространственные объяснения в каком именно значении термин употребляется в конкретной ситуации.

За такое объяснение и можно считать данную статью. За ситуацию примем факт работы, которая ведется автором в настоящее время, и предметом которой является исследование гносеологического аспекта символа.

Но, прежде чем начать объяснение, что же автор статьи подразумевает под дефиницией «символ», не будет лишним привести две цитаты.

Первую, под авторством Э. Кассирера: «Он (*человек, animal symbolicum* – *пояснение мое А.В.*) создает символы вербальные и религиозные, образы мифологические и художественные — и только с помощью всей совокупности, всего упорядоченного единства этих образов и символов он обеспечивает возможность своего утверждения в мире в качестве существа социального, получает возможность общения с другими себе подобными существами и возможность понимания с их стороны» [2].

И вторую, под авторством П. Рикёра: «Символом я называю любую сигнификативную структуру, прямой, изначальный, литературный смысл которой отсылает к другому смыслу, непрямому, фигуративному, приблизиться к которому можно лишь через первый» [3].

Мы видим, что речь тут идет о ситуации, в которой концептуализация хаотической эмпирической действительности обусловлена именно процессом сознания, формирующим символические структуры. При этом фраза П. Рикёра еще более усиливает акцент на том факте, что символом не только может, но и должно называться почти всякое явление, и почти всякий воспринимаемый человеческим сознанием объект.

Отчего так? Действительно ли за любым объектом нашей повседневности скрывается символ? Давайте посмотрим.

Произвольный элемент окружающей реальности, что выбрать: ноутбук, книга, фортепиано? Разница не принципиальна, если уловить в сети своего внимания следующий момент: мы можем назвать прямым и изначальным смыслом объекта, лишь те его качества, которые объективны и соразмерны человеческому естеству, под которым в данной ситуации должно пониматься тело, человеческая физиология и обусловленные ею базовые перцепционные характеристики.

В таком случае мы признаем, что объект занимает некоторую область пространства, мы воспринимаем его размерность, можем определить вес и плотность, кроме того способны оценить его цветность. Но чем более усложняется наше восприятие объекта, тем сильнее объект трансформируется в символ (даже не все названные нами характеристики могут восприниматься, как абсолютно объективные для человеческого сознания), обретая вид сигнификативной структуры, значение которой укоренено в культуре. А культура, как раз и представляет собой символизацию, концептуализацию окружающей действительности.

Достаточно ясно, что объективной и первичной характеристикой, скажем ноутбука, не является его возможности, как цифрового устройства. За неимением электричества наше восприятие этого объекта изменится, но предыдущее его значение не сотрется – это так. Однако если мы поместим объект, который называем «ноутбук», в культурную среду абсолютно незнакомую с

современными технологиями, очевидно, что воспринять значение данного объекта, как высокотехнологичного девайса будет невозможно для представителей данной культуры. Вряд ли даже найдется подходящий перевод слова «высокотехнологичный».

В итоге мы видим, что оценка нашим сознанием привычных объектов окружающей действительности в большинстве своем обусловлена культурой и представляет собой процесс дешифровки символической структуры.

Принцип символизации должен быть ясен, однако, возможно, то бессчетное обилие уровней, на которых он проявляется, осознается еще не до конца. Что бы это исправить, можно привести пример с таким объектом нашей повседневности, как книга (любой другой пример также подойдет, но пример с книгой, как кажется, наиболее показателен).

Что такое книга для общества, для культуры лишенной письменности – это материал для костра, для утепления для чего угодно, только не связанного с чтением. Это не «книга».

Что такое книга для мировой современной культуры, которая включена в тесную взаимосвязь – это объект с записанным в нем текстом, с хранящемся внутри объемом информации. Это книга.

Однако конкретно, что это за книга, подавляющее большинство населения планеты не может знать. Это могут знать лишь носители языка, на которой книга написана. Однако и носители языка не воспринимают эту книгу так, как может ее воспринимать владелец, который, к примеру, получил ее в дар с автографом от самого автора. Для него эта книга наполнена эмоциональными отсылками и еще более скрытыми смыслами.

Впрочем, справедливости ради, можно обойтись и без автографа – любой объект окружающей нас действительности представляет собой символ с особым значением. Мы находимся посреди невероятно сложной структуры, которая состоит из сигнификативных объектов, определяющих наше видение мира и постоянно отсылающих наше сознание ко скрытому своему значению.

И в то же время сложность символа определяется не только бессчетным количеством культурных, эмоциональных отсылок к нашему опыту, на которые он направляет сознание. Сложность его заключается и в самом акте восприятия, в сиюминутном считывании информации, которое производит наш мозг. Тот конкретный объект, воспринимаемый нами в конкретный момент времени, представляет собой лишь ядро символа – без сомнения самую важную его часть, однако, не единственную.

Разумеется, человек не обращается ежемгновенно ко всему багажу своего опыта, информации сохраненной в структурах памяти – и тело, и психика вряд ли выдержали бы такое напряжение. Однако, что касается перцепционной функции наших органов чувств, то в большинстве случаев мы не можем

говорить о том, что задействовано исключительно зрение, или исключительно слух. Более того, очевидно, что когда мы смотрим на какой бы то ни было объект, почти во всех случаях мы воспринимаем не только его, но и область периферийного зрения.

Уместно вспомнить размышления М. Хайдеггера на счет открытки с изображением моста: по мнению философа, мы смотрим, будто сквозь открытку и видим непосредственно мост: для нашего сознания важна не открытка, а изображение на ней [4, с.46-47]. Пожалуй, с этим можно согласиться. «Что это?» – спросим мы, подойдя к человеку и показывая ему открытку, – «Мост», – такой ответ мы услышим явно чаще. Однако, сомнительно, что стоит полностью отбрасывать значение самой открытки. Какая она: яркая, тусклая, с потертостями, пятнами, кто показывает ее, где, когда, что мы при этом слышим – вот малая часть вопросов, который необходимо задать, прежде чем мы сможем утверждать, что действительно уловили значение и понимание данного объекта-символа. Конечно, определенный объем поступающей информации не оказывает заметного влияния, но это уже уточнение и глубинное препарирование конкретного символа, мы же здесь ведем речь о действии принципа.

Так какие же тезисы мы можем в итоге озвучить?

Во-первых, в общем и целом, мы не выходим за грань размышлений Э. Кассирера и П. Рикёра, лишь в очередной раз акцентируем внимание на структурной сложности символа и, кроме того, постоянном, ежедневном взаимодействии человека с ним.

Мы уверены в правильности утверждения, что символом является любой знакомый человеку объект физической реальности. При этом символическая природа объекта обусловлена его связью с культурой. В повседневном смысле: с его узнаванием, приписыванием ему функциональных особенностей, и эмоциональной связью человека с ним.

Кроме того сложная структура символа обусловлена природой перцепционной системы человека, которая функционирует, как единое целое, а не набор изолированных функций. Это приводит в большинстве случаев к невозможности восприятия конкретного объекта отдельно от окружающего пространства, от других объектов, процессов, явлений.

Литература:

1. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.
2. Кассирер Э. Философия символических форм
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Академический проект, 2008. 695 с.
4. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.